

**Усталость лета
(1999)**

Редактор-составитель электронной версии сборника Сергей Сычев

«Усталость лета» – третий сборник стихов поэта Алексея Горобца, и второй сборник стихов, написанных поэтом после сорокалетнего перерыва.

Из аннотации к книге: «Небольшие по объему, эскизные по форме стихи привлекают ненадуманым, искренним лиризмом и неординарностью видения мира.»

Стихи, вошедшие в данный сборник, написаны зрелым человеком, глубоким мыслителем, сформировавшимся поэтом. Однако на общем фоне творчества Алексея Горобца этот сборник всё же является этапным на пути к ярким вершинам созданной им и любимой многими читателями поэзии.

Сборник адресован вдумчивому, внимательному читателю, равнодушному к красоте мира и слова.

Алексей Борисович Горобец родился в 1936 году в Краснодаре. В 1960 году окончил Ленинградскую военно-медицинскую академию им. С.М.Кирова, служил в Ракетных войсках стратегического назначения. Автор десяти поэтических сборников, член Союза писателей России, публиковался в журналах «День и ночь», «Наш современник», «Континент», других периодических изданиях, лауреат литературной премии «Медицинской газеты». Стихи А.Горобца включены в антологию поэзии XXI века.

* * *

О, эта быстрая езда
В садах любви в дыму весеннем!
Цветенье слив, ночные бденья
Росы, горячей навсегда...

И горечь медленных мгновений,
Когда уходят поезда.

* * *

Падает на землю суховей,
Обрывает листья, тащит юзом.
От жары взрываются арбузы,
И репей
Прилипчивей и злей.

А судьба –
Уже почти обуза.
А любовь –
Всё мельче и больней...

А за нами –
Пыли серый шлейф
Обрывает с прошлым
Наши узы.

* * *

Трефовые листья каштанов,
Червовые листья платанов,
Бубновые листья катальп!
Ну что нам судьбе нагадать?

Река и смиренные вётлы,
И отмель, где мусор и сор...

И эти мозольные вёсла
Течению наперекор.

* * *

Как высоко взлетели тополя!
Как низко пали ветви синих елей!
Как быстро облака отяжелели,
И, охладев, упали до нуля.

И удовольсь толикой угля
Или поленьев, чтоб спокойно тлели,
Дымы отечества нас грели, как умели,
И, принимая первые метели,
Высокие летели тополя.

* * *

Идут дожди – спокойнее и реже.
Весомее рыбацкий мой улов.
Всё меньше неразвязанных узлов.
Всё больше тишины.
И ветер между

Холодных тополей.
И голь кустов.

И облетают на песок прибрежный
И наши суетливые надежды,
И наша торопливая любовь...

* * *

А по ночам,
Когда объятый сном,
Уже совсем утомился дом,
Акации роняют сор на крышу.
Скрипит орех –
И мы друг друга слышим,
И лунная нисходит благодать
На заросли терновника и вишен.

И тишина,
И озаренье свыше,
Которое ни вспомнить,
Ни понять.

* * *

Невесть куда
Шальное лето катится!
Сплошное ведро,
Солнце, ветер липкий.
Акаций жёлтозубые улыбки
И эти обезумевшие скрипки
Ночных цикад,
Что так для нас стараются!

А дальше – холода,
Чтоб слёзно каяться
И лить дожди,
И признавать ошибки.

* * *

Жимолость
Проснулась, ропщет, крутится
На ветру, соцветьями сорит.
Чем ещё весна благословит?

Сад устал, но светел и умыт.
В будке пёс потявкивает,
Трудится,
Охраняет свой дворовый быт.

Чистотел меж выщербленных плит.
На окне, свернувшись, время спит.

Что ещё нам память сотворит?..
Эту ночь.

А утром всё забудется.

* * *

Выгонит нам прошлое телегу
И покатит задом наперёд.
Проскрипит под окнами по снегу
Подгулявший поздний пешеход.

Заскрипят косые переборки
В отгулявшей сивой голове.
И ни дна, ни сна тебе, ни корки
Хлеба и надежд...

А на Луне,
В океане Бурь,
У Фракасторо,
Там, где так отчаянно и споро
Паруса теряли мы с тобой,
Где пылала лишь тобой одной
Жёлтая вода в заливе Зноя, —

Там всё тот же берег золотой,
Чайки отдыхают на волне...

Но не будем больше обо мне.

* * *

Кричит и стонет алыча.
Топор, как лезвие луча.
А луч — как лезвие ножа:

Стара. Устала. Не нужна.
И сыромятная вожжа
Вцепилась в крону, горяча...

И всё.
И куришь не спеша.

И обезлюдела душа...

* * *

Калеченый, разбитый, рваный,
Под сенью лопуховых крон,
Клавиатурой фортепьянной
Упав на свалке безымянной,
Гудит пустой аккордеон.

И свалка слушает поэму
О счастье – отзвуки её.
Нет, нам не разрешить дилемму –
Сознание или бытие?

И к нам слетает вороньё
Взгрустнуть,
Поговорить на тему

И на кустах
Недвижно, немо
Застыть –
И думать про своё...

* * *

Стада кустарников
По склонам, где коровы
Дожёвывают жёлтую полынь.
Дороги кособоки и неровны.
Песок и пыль.
И марево долин,

Где синий хмель
И вянет повилика,
Оберегая память от любой
Открытости,

И вечная любовь
Ещё витает – вяло и безлико.

А выше – кручи,
Где сплетенье веток,
И камнепады,
И табу,
И вето...

* * *

Горит закат и углится, как спичка.
Перила, мелколесье, водоём.
Умчалась в темень наша электричка,
Вихляя задом с красным фонарём.

А что весна? Она для нас в кавычках.
Ключ под крыльцом, дрова, остывший дом.
Тропа в грязи и лето на потом.

И гаснет поездов осенний клич, как
Сырая спичка гаснет под дождём.

* * *

Осенней лирики привычная печаль.
Даль пахоты. Остуженная сталь
Спокойных вод. Тоска и бесприютность
Оставленных под небом тракторов.
Скупой поклёв и скудный твой улов
В ведре жестяном. И прощальных слов
Вдруг сладкая и явственная трудность...

А лето крутит рыжей головой
И всё ещё смеётся над тобой.

* * *

И хлещет дождь, и нулевая видимость,
И твой движок фырчит и еле тянет,
А ты гадай – дотянет, не дотянет.

А в окна рвётся взмыленная жимолость.

Случайности весенняя обыденность
Плетёт свой безалаберный орнамент.

* * *

И всё не так,
И всё наоборот!
Любви – увы! – последний поворот.

Сад-первоцвет,
Побитый градом вдрызг, и
Гнилушные огни ночных болот.
Цепные псы у запертых ворот.
Слепых дождей уже сухие брызги.

Слепой любви
Летящий поворот!..

Цепные сны,
Слепые, злые мысли...

* * *

Высоких звёзд чужая красота.
Холодный звездопад, необозримость.
А сосчитать всего сто раз до ста –
И ночь уже клонит свои уста
К твоим глазам,
И бьёт крылом бескрылость,
И давняя изгнанница – мечта,
Надеясь дотянуться к лунным струнам,
Скользит меж звёзд,
По нотным знакам лунным,
Чтобы разлад свой с миром неразумным
Озвучить прямо с нотного листа.

* * *

Пологий берег. Огороды.
Камыш, песок. Пылит бурьян.
Стервятник,
Страж степной свободы,
Застыл вверху.
И небосводы

Струит и путает Кубань.

О, наши белы пароходы
И сладкий всхлип гребных колёс!..
Ну вот он,
Твой забытый плёс:
Твои надежды и восходы,
Т бурьяны и небосводы,
Любви непрожитые годы

И о цене твоей свободы
Ещё не заданный вопрос.

* * *

Вздохнёт февральская тоска
В тяжёлых омутах проталин, —
И снова чайки на причале,
И, унося всея печали,
Ломает льды твоя река!

И звонари на колокольне,
И колокольный гул души,
И синева, и даль, и ширь...

И плещет музыка погони,
И нерассёдланные кони
Трубят
И требуют спешить.

* * *

Этот тихий весенний настрой
Февраля. Талых листьев настой.
Шевеленье оттаявших лип.
Мокрый воздух, дыхание, всхлип
Осторожной, счастливой воды.
У моста — узловатые льды
Затаённо внимают теплу.
И зима не противится злу
Солнцапада, коротких ветров.

А февраль —
Он, конечно, готов

Вместе с нами уверовать в смысл
Мимолётности, в тайную мысль
Холодов, и, не зная пути,
Возрыдать,
И, рыдая – уйти,
И растаять, неведомо где,
Белым айсбергом в талой воде.

* * *

Уходят в разнотравье семена.
И прорастают,
И опять цветенье.

Как быстротечна Вечная Весна!..

Глоток любви –
И вся судьба.
Сполна.

* * *

Вернуться в прошлое,
В себя,
Где дышат тени
Благих намерений и кораблекрушений,
Падений и насмешливых надежд,
Где до сих пор неугасимо свеж
Весёлый ветер
Наших ранних странствий.

И мы спешим в наивном постоянстве
К себе, сюда,
Где, в общем, суета,
Но где за нарисованным забором
Крыльцо и дом, и печка, от которой
Не торопясь мы начинаем жить,
Где возвращаясь, можно задержаться,

Поскольку больше некуда податься,
А если есть, то незачем спешить...

* * *

Белизна синевой разрушена –
О зиме даже речи нет!
Бестолковый,
Босой, простуженный,
Суется в дверях рассвет.

Где-то лето.
Сквозная синь его
Заполняет дверной проём.
А любовь, наше чудо зимнее,
Время тихо сдало на слом.

Время тихо разъяло души нам
И оставило так дожить.
Что порушено, то разрушено.
И ремонту не подлежит.

А весенняя ночь, короче став,
Нам торопится о своём...

И по-прежнему мы вдвоём.

И рассветное одиночество
Заполняет дверной проём.

* * *

Так ветрено!..
Ноябрь, давно ненужный,
Уходит, посвящая нам с тобой
Квадратный метр своей небесной стужи
С её холодной, зимней чистотой.

И всё, что в нашей осени таилось,
Тебя найдёт, и ты принять готов
И стылую земную справедливость,
И неземную зимнюю любовь.

И вспоминая жаркими губами
Осенний свой счастливый непокой,
Мы жжём листву,
И догорает с нами
Тоска рябин с прохладными глазами,

И светопад, и лето за спиной.

Ноябрь уходит – стынущий, неяркий.

Так ветрено!..

И воют где-то за

Станицей

На забытой старой свалке

Пустых жестянок злые голоса.

* * *

Теплынь, жара.

Сквозит озонной свежестью

Под линией электропередач.

Цепляется, не зная неудач,

К хвостам коровьим

С похотливой нежностью

Чертополох.

И самогон-первач

Кипит и бредит салом.

Еле держатся

На пнях трухлявых

Высохшие мхи.

Лакает муть заезженной реки

Заблудшая кислица.

Конопля

Уже освоила окольные поля

И зреет.

И весёлое невежество

Клюёт свою судьбу

С её руки.

* * *

А здесь природы нет.

Всё рукотворно.

Асфальт, кирпич, стекло,

Бетон, цемент...

Здесь правит бал

Бесстыдный и бесспорный

Цвет обречённости –

Бесцветный серый цвет.

Здесь, как и прежде,
Сумеречность снов.
И мысли отлипают от мозгов,
Пылят и лезут в небо, в высоту,
Никак не управляемы тобою...

И тянет гретым камнем и тоскою,
И небо размышляет над землёю,
Уйдя в свою цветную немоту.

* * *

Цветёт сорняк –
Меж выброшенных шин,
Мазутной жижи,
У облезлых зданий.
Его цветы почти что хороши
И, вроде бы, доступны пониманью.

Им, в общем, тоже некуда спешить.
Мы помолчим, покурим у межи.
Мы с ними потолкуем от души.

И оправдаем широтой души
Убогость
Своего существованья.

* * *

Январь. Заснеженность, вселенность,
Покой морозно-голубой.
И высота.
И никого.
Свободный холод мыслей праздных...

Но как недолго этот праздник!

Свой мир,
Привычный и прямой,
Свою нетленную мгновенность
Вновь утверждает повседневность –

И возвращает нас домой,

Чтобы не ведая иной
Печали,
И не сожалея,
Закончить зиму в январе и
Взойти полынью и пыреем,
Забвенья силосной травой.

* * *

Осыпаются дикие груши,
Перезрев, почернев от жары.
Отдыхают в траве комары.

Прислониться,
Остыть и послушать
Облака, что молчат до поры,
Крутизну чёрно-белой горы
И её невесомые тени.

Оглянуться назад.
И явление
Окоёма внизу, позади,
Ярких крыш черепичное рденье
Ослепят вдруг и память,
И зренье
Восхищеньем,
Тоской возвращенья,
Старой болью почти всепрощенья
И любви, что всего в полпути...

Оглянуться, вздохнуть,
Улыбнуться –

И уже никогда не вернуться.

* * *

Облаков высокая соборность.
Сумрачная патина икон.
Гасит негасимый наш огонь
Непогоды ветреная вздорность.

Лишь твоя усталая покорность,
Нетерпенья вымученный стон,

Мутных ливней потная ладонь...

И земли спокойная бесспорность.

* * *

Николаю ИВЕНШЕВУ

Апрель, весна, поют лягушки.
Цветёт размашисто айва.
Зелёный шум, зелёный гвалт...
Давай-ка отодвинем кружки!
Пора употребить слова
Нас угадавшего поэта.
Конечно, он охаял лето
И праздность вольную любил.
Но мы клонимся головою
Пред ним и предаёмся зною,
Весне, и нам хватает сил
Любить любовь,
Размах, раздольность,
И нашу дурь,
И нашу вольность
Не знать,
Как много он сокрыл...

* * *

Ну что ж –
Поговорим о человеке.
А заодно о XXI веке.
Рассмотрим –
Век, чело, добро и зло,
И прошлое, что нас не довезло.
И на грядущее прогноз нескудный.
В нём совместились
Тот
И этот свет.
И нет проблем!
И нас, похоже, нет...
Компьютерный
Крысиный разум ушлый...

И опустелый ржавый постамент,
Где старой бронзы выгоревший след
Хвалу и клевету приемлет равнодушно.

* * *

И вот она, неведомо куда,
Уже летит – возвышенно и гордо.
Летит душа!
Светло, высокогорно, –
На свет изнемогающего льда.

Полёта неземная красота!..
Отсчёта неземная простота.

Хорошо и холодно.
Просторно.

* * *

Вечер.
Туман приземлённый.
В небе – обвал зари.
Горят на столбах вороны,
Как чёрные фонари.

И ждёт она, не дожждётся,
Тумана сырая гарь,
Когда над тобой зажжётся
Чёрный ночной фонарь.

И пахнет прогорклым снегом
Отрава разрыв-трава,
И, проверяя эхо,
Аукнет в ночи сова,

И круглые вперит очи
В сладкую тайну тьмы.
Ну, что она там пророчит? –
В преддверье вселенской ночи,
В подворье твоей зимы...

* * *

«Солнце нещадно палило,
Зрели в садах апельсины».

Этой мелодией синей
Сразу заполонило
Улицу, небо, рынок,
Старый киоск газетный
С аудиокассетой
В магнитофоне длинном.
Жёлтые апельсины
Зрели в лотках торговок.
Зимнее солнце грело
Автофургонов спины.
Золото мёрзлой глины
Искрилось и горело.
Воздух звенел, звенела
Стынь новогодних ёлок,
И вождественное млело
В пыльных бутылках винных
Пылкое пониманье.

И возносил осанну
Миру и мирозданью
Проданный на закланье
В птичьем ряду петух.

* * *

Тусклые грозы, тяжёлые долгие росы.
Ветры взрывные,
Закатов сырой динамит.
Вот и нашла нас весёлая ранняя осень!
Смотрит в глаза
И насмешливо душу томит.

Осень нашла,
Ну а мы потеряли с тобою, —
Всё постигая на слух,
На бегу, на лету...
Что ты вернёшь мне?
И что для тебя я найду?..

Мокрые птицы обсыдут деревья в саду —

И полетят,
И помчатся крикливой толпою
Мимо холодных домов
Догонять пустоту...

* * *

Ушло в песок, что было ранее.
Быльём повилось. Вот следы.
Окаменел и слёг в молчание
Валун у медленной воды.

Не зная счастья и беды
Он долго обрастал травой.
Он соотнёс себя с судьбою
И лёг у медленной воды.

Он снова выбрал созерцанье.
А мне осталось ожиданье,
Крапива, пылкость лебеды,
Стеченье счастья и беды –
Любви скупое подаяние...

И затаённое страдание
Костра у медленной воды.

* * *

Осенние тени забвенья,
Осенние длинные сны!..
Неслышных дождей наважденье,
Круженье,
Дерев обнаженье –

И жадный восторг нетерпенья
В гримасе
Случайной луны.

* * *

Луна в воде, волна в цвету,
Рябь эвкалипта, куст лавровый.
И бьёт то шёпотом, то рёвом
Прибой по сонному мосту.

Что нам прибой –
Пуškai не спит!
Себя мы обманули сами.
Морскими синими глазами
За нами прошлое следит.

И наши честные следы
На непрочитанных скрижалях
Забыты, смыты – и не жаль их...

И ночи – синими ужами,
И пыль морская за ушами,

И белые, как небо, дни,
И в небе –
Парус простыни.

* * *

Летучий ветер, потепление,
И снова эти холода!
Опять порвутся провода,
Погаснет свет – оледенение!
И тишина в окне, и тень моя
Дремотно млеет у печи.
Сквозь стёкла лунные лучи,
Совсем озябшие страдальцы,
К огню протягивают пальцы,
И, ничего не получив,
Ложатся рядом, у огня,
Смещают сонный абрис тени,
И та, в немом недоуменье,
Вздыхая, смотрит на меня.
Нам так спокойно у огня!
Зима – и никаких сомнений.

... В печи горючие поленья
Пылают, память леденя...

* * *

Бог знает, чем они гонимы,
Но в оторопи зимних дней

Крошатся и уходят льдины
В чужую синь пустых морей.

Над ними плачут пилигримы,
И согревают их гольфстримы,
И принимают их моря.

Они плывут.
Их ждёт свобода!
Тепло ветров...

Наверно, зря
Мы обрываем якоря.
Нас так любила непогода!

И мы плывём,
Плывём незримо,
И обнимают нас гольфстримы,
И топят тёплые моря.

* * *

Тени сгущаются, ночь угасает.
Полудремота мне басню читает.
Грустная басня – ворона, лисица...
Что ещё может такого присниться?
Что ещё может такого случиться,
Чтобы вздохнуть и забыть,
И вернуться,
Сонно раздеться, счастливо уткнуться
Носом в подушку, лицом в облака,
И на свою неуклюжую память,
Что, не прощая, рыдает над нами,
Вдруг посмотреть –
С высоты,
Свысока...

* * *

Взмыть, взлететь, воспарить –
И разбиться,
Синевой переполнив глаза!
Только где они, синие птицы?
Где они, эти синие птицы,

Что зовут нас в свои небеса?

Тянет холодом. Ёжятся ели.
В небе – ветер с фонарной луной.
Улетели они, улетели.
Высота,
Пустота и покой.

А внизу –
Постаревшие листья
Индевелой седеют росой.
Как он краток, их век золотой!
Осень гибнет. И синие птицы
Оставляют нам холод пустой,
Высоту и сиянье густой
Тишины, –
Чтобы в ней раствориться
Ветром сорванной с неба слезой.

* * *

Нырнуть в постель,
Зевать и маяться, –
Ну лишь бы только не уснуть!
Как весело собаки лаются!
Как шумно бабочки снуют!

Трамвай затих
За дальней улицей.
А завтра снова будет день!
А по-над крышами сутулятся
Акаций вежливая тень.

И так неспешно,
Неторопко так,
Стрекозы кружат виражи...

И далека ещё дорога та,
Что позже назовётся –
Жизнь.

* * *

Да будет день!
Да будет свет и пища!
Да будет всё, что неоткуда взять...
Голодный ветер по сусекам рыщет
И что-то начинает понимать.

А над тобой – трава и всё, что выше.
Антенны, кучевые облака...
Вселенная валяет дурака
И складно врёт, что ничего не слышит.

Текут века и плещется река.
На мукомольне мелется мука.

Обрящет тот, кто ничего не ищет.

* * *

Занесёт незаметным песком
Наши тёмные райские кущи...

Вот и всё.
И ни лучше, ни хуже
Без любви,
Без счастливых оков.

И сухие изножья дубов
Древооточец
Добьёт равнодушно...

А над нами,
Вверху, высоко,
Всё скрипят их древесные души,
Всё качается тень облаков.

* * *

Ивы роняют прутья
В плесень и цвель воды.
Ветер лениво крутит
Пыли белёсый дым.

Серый татарник, сливы,

Чахлые тополя.
– Ливней, прохладных ливней,
Жаждет и ждёт земля!..

В пыльной закатной мути
Солнце – багровый зрак.
Вспыхнет на перепутье
Ржавый дорожный знак.

И разведёт пути нам
Лето по спинам трав.
Русла. Сухая тина.
Старой реки рукав.

Старых надежд остуда.
Старых печалей ржа.
Скрипнет, в часах кружа,
Вечной любви минута –
Из никогда, оттуда...

И проливного чуда
Жаждет и ждёт душа!..

* * *

В орешниках орешины обвисли.
Орехи вызрели, им скоро опадать.
Их тягостные, сдержанные мысли
Нам всё грустней и проще понимать.

Уже и нашу дальнюю дорогу
Просчитывает осень понемногу.

И всё, что нам дано взаймы от Бога,
Как ни крути – придётся возвращать.

* * *

Усталость лета. Первородный грех
Земли и необузданного солнца.
Упавших листьев патина и бронза
И мелководье перегретых рек.

Ещё слышны обманчивые грозы,

Но лето завершило свой рассказ.
Усталость губ и полководье глаз.

И вечных истин патина и бронза.